

Есть в новой книге Андрея Вознесенского такой эпизод. После того как вечером 8 марта 1963 года закончилась встреча Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией (на которой от главы правительства особенно досталось 30-летнему поэту, услышавшему из президиума: «Господин Вознесенский, вон из нашей страны, вон!.. Товарищ Шелепин выпишет вам паспорт»), после той исторической встречи вышел оглушенный поэт на темную и холодную кремлевскую площадь. «Бил промозглый ветер. Куда идти? Кто-то положил мне лапшу на плечо. Оглянувшись, я узнал Солоухина. Мы не были с ним близки, но он подошел: «Пойдем ко мне, чайку попьем. Зальем беду».

Не знаю, может быть, в ту ночь и возникла у них взаимная симпатия. И в книге «Ров» мы находим даже специальную главку о Владимире Солоухине — человеке и литераторе.

Почему я начал именно с этих страничек, отнюдь не главных вдовольно внушительном по размерам томе? Да потому, что с точки зрения так называемой «позиционной» критики, привыкшей основывать свои оценки единственно на расстановке сил в литературных группировках, Вознесенскому о Солоухине писать вроде как и не полагалось. Именно Вознесенскому и именно о Солоухине. Слишком уж к разным — если не сказать противоположным — флангам нашей словесности относятся эти художники. «Его приятели косо посматривают в мою сторону, мои друзья лишь пожимают плечами при его имени. Неужели тесно в поэзии? Сколько талантов засучила, заклонила эта подозрительность, узость взглядов! Она делает композитора глухим к звонкой ноте

СОЗИДАТЕЛИ И РАЗРУШИТЕЛИ

О новом сборнике поэта Андрея Вознесенского «Ров»

товарища, превращает Моцартов в Сальери, застит глаза».

Комплекс сальеризма не свойствен Вознесенскому. Он с равной теплотой пишет о Василии Казине и Алексее Крученых, Борисе Пастернаке и Валентине Катаеве, Юрии Казакове и Евгении Евтушенко.

И все-таки у Вознесенского много врагов. Может быть, больше, чем у большинства его собратьев по перу. И он, надо сказать, мало стесняется в выражениях, когда о них пишет. Да только недругов выделяет он не по принципу «наш — не наш», а исходя из других, более серьезных оснований.

Все человечество делится поэтом на созидателей, творцов, с одной стороны, и разрушителей, «мертвечину» — с другой. Водораздел этот проведен им еще в давней, юношеской поэме «Мастера». Он — главная идея последней поэмы «Ров», давшей название всей книге. Описанный поэтом возмутительный случай — обворовывание огромной братской могилы под Симферополем — дает ему повод выйти на более широкие обобщения. Подонки, выкапывавшие из земли тела замученных гитлеровцами людей и выдиравшие у них плоскогобцами

золотые коронки, — сами мертвецы. Нравственно, а не физически разложившиеся. В поэме сталкиваются два образа: лопаты этих мертвецов-гробокопателей и лопаты подлинных работяг, создающих, творящих. «Схваткой мертвых лопат и живых» называет поэт это противостояние всего человеческого и античеловеческого.

Гробокопателям противопоставлены в поэме живые люди, многие из которых названы по именам: «Но живой поднимается землекоп вперехват мертвецам — Пастернак, и — горбат от лопат — Смеляков...» (поэт Ярослав Смеляков был неоднократно репрессирован в сталинские времена. — Ред.) Рядом с ними на страницах поэмы — Владимир Высоцкий и хирург Святослав Федоров, а на других страницах книги — Андрей Тарковский и Майя Плисецкая, Виктор Шкловский и Марк Шагал, архитектор Константин Мельников и даже папа Иоанн Павел II, с которым поэту также доводилось встречаться.

Книга удивительно густо населена, в ней много героев. Причем слово «героев» я в данном случае употребляю сразу в двух значениях, поскольку многие из этих «прорабов духа» и в самом деле занимаются настоящей героической деятельностью.

Из сказанного может сложиться впечатление, что главная интонация

книги «Ров» — одическая. Это далеко не так. Подлинный гражданский гнев звучит в ней не раз: и когда в поэме «Ров» заходит речь о милиционерах, занимающихся «резке-

том» — корыстным изыманием денег у подпольных нуворишей; и когда рассказывается о судьбе Байкала, которому угрожает отравление. Забота о национальном достоянии — в цикле стихов о разрушенной Сухаревой башне и в заметках о необходимости освободить расположенное на Красной площади великолепное здание ГУМа от суесть торговли и создать в нем храм духовной культуры, наконец, на тех страницах книги, где автор обращает внимание на нелепость проектировавшегося мемориала на Поклонной горе.

Надо сказать, что после выступления А. Вознесенского на эту тему на писательском съезде в 1986 году против строительства уродливого мемориала высказались широчайшие круги общественности и его строительство было остановлено. Выступление это вошло в книгу «Ров», как и стихотворение «Черное знамя». Центральный образ стихотворения — «черное знамя» (именно его, размером в тридцатизатяжный дом, планировалось водрузить на въезде в Москву) — это еще и обобщенный образ всего, что противостоит благотворным переменам в нашем обществе, того, что сопротивляется перестройке.

Не секрет, что Вознесенский-поэт

многим неблизок в силу особой, не увядшей со временем смелости его поэтики. Вознесенский-общественник тоже многим неудобен: этих «многих» страшат его бескомпромиссность, бойцовские качества, умение доводить дело до конца, независимо от того, о чем идет речь: о возведении памятника, возвращении забытого шедевра или помощи начинающему дарованию. Но я уверен: не будь этой беспокойной, не вписывающейся в традиционные рамки фигуры, нынешняя литературная и общественная ситуация могла бы быть совсем иной.

И, видимо, не случайно у него, как мало у кого из современных поэтов, так много последователей и подражателей в следующих поколениях. И не случайно то и дело звучат предостерегающие голоса: «Осторожно! Второй Вознесенский!». Люди, опасющиеся второго Вознесенского, выдают себя с головой: сразу становится ясно, что их пугает Вознесенский, так сказать, первый (то же самое можно сказать и о тех, кто в нынешнем оживлении нашей газетной и журнальной жизни с ужасом усматривает возникновение «второго» «Огонька» или «вторых» «Известий»).

Можно отчасти успокоить волнующихся: «второго» Вознесенского не будет. Как и «второго» «Огонька». У каждого свое лицо и свое место в сегодняшнем строю. Но тем, кто действительно встал в строй, шагать приходится в ногу: это старый закон, который никто отменить не в силах.

И последнее. Книга «Ров» — самая публицистическая книга Андрея Вознесенского — издана тиражом 200 тысяч экземпляров. Тираж полностью поступит в библиотеки страны. Это значит, что читателей у книги будет неслыханно много. И хорошо: она многим поможет лучше понять происходящее вокруг. Ведь по большому счету эта книга — о перестройке.

Андрей МАЛЬГИН.

Моск. новости - 1988 - 8 июля (№ 19) - с. 12.